

Пинковский Виталий Иванович

КАНОНИЧЕСКИЕ И НЕКАНОНИЧЕСКИЕ "КОНТЫ" ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА

Разновидности популярного жанра французской поэзии XVIII века "конта" (le conte) рассматриваются в статье по признаку каноничности или отступлений от канона. Показывается, как доминирующая жанровая установка на развлекательность, "забавность" приводит к профанации свойств моралистической поэзии. В общих чертах обозначается место "конта" среди факторов, создающих мнение о культуре XVIII столетия в целом. В оборот отечественного литературоведения вводится ряд текстов, представляющих "массовую продукцию" жанра ("конты" Ж.-Б. Жёнкьера, Ш. Борда и др.).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 160-162. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82-1.-9

Филологические науки

Разновидности популярного жанра французской поэзии XVIII века «конта» (le conte) рассматриваются в статье по признаку каноничности или отступлений от канона. Показывается, как доминирующая жанровая установка на развлекательность, «забавность» приводит к профанации свойств моралистической поэзии. В общих чертах обозначается место «конта» среди факторов, создающих мнение о культуре XVIII столетия в целом. В оборот отечественного литературоведения вводится ряд текстов, представляющих «массовую продукцию» жанра («конты» Ж.-Б. Жёнкьера, Ш. Борда и др.).

Ключевые слова и фразы: французская поэзия XVIII века; канонические и неканонические жанры; «конты» эротико-авантюрные, эпиграмматические, моралистические, псевдоморалистические; «фривольное столетие».

Пинковский Виталий Иванович, д. филол. н.
Северо-Восточный государственный университет
alennart@mail.ru

КАНОНИЧЕСКИЕ И НЕКАНОНИЧЕСКИЕ «КОНТЫ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА ©

Статья написана в рамках выполнения госзадания Минобрнауки РФ (регистрационный № НИР – 6.2609.2011).

Conte (en vers) – жанр французской поэзии, появляющийся во второй половине XVII века (наиболее известны *contes* Ж. де Лафонтена, Б. Ламоннуа), но осознанный литературной теорией и отражённый поэтиками значительно позже. Во «Французской поэтике» Ж.-Ф. Мармонтеля (1763 г.) *conte* определяется как «небольшая эпическая поэма», стиль которой отличается «лёгкостью, простотой, ясностью, блёстками остроумия» и может быть проникнут либо тоном «наивным и трогательным», либо «игривым». Мармонтель сближает с *conte* басню и эпиграмму, которая «есть не что иное, как короткая *conte*, завершающаяся остроумной (*bon mot*) или неожиданной и забавной концовкой» [12, р. 542].

Непременную «забавность» как отличительную черту *conte* отмечают все авторы, говорящие об этом жанре. Об этом пишет Ж. де Лафонтен: «des contes faits à plaisir» (*contes* созданы для удовольствия) [9, р. LX], П.-Ж.-Б. Шоссар: «сёстры *conte* – острая шутка и безудержная весёлость» [4, р. 12], Ж. Десье: «стихотворный *conte* – рассказ по большей части выдуманный, но неизменно занятный и пикантный» [5, р. 382]. По сути, именно «забавность» является единственным каноническим свойством, объединяющим «конты», не имеющие метрических ограничений и столь отличные между собой по объёму (от четырёх – до сотен строк), структуре (от сценки – до многоэпизодного повествования), тематике (от бытовой – до мифологической). В кратких «контах» (эпиграмматических, анекдотических) «забавность» обеспечивается заключительной остротой. В объёмных «контах» чаще всего – игривым изложением эротических сюжетов, двусмысленными шутками, пикантными намёками и умолчаниями. Соответственно, отклоняющиеся от типичных жанровых разновидностей «конты» являются неканоническими.

Так, в эпиграмматическом «конте» Ф.-Ф. Ногаре (1740-1831) «Туча и Солнце» повествование завершается не остротой, а персональным восхвалением. Это нечто вроде аллегорического «конта»-мадригала:

*Un Nuage, formé des vases d'un marais,
S'élevait pesamment au séjour du tonnerre;
Au peuple Croassant, auquel il a su plaire
Il s'assure, en partant, qu'il s'en va pour jamais
Empêcher le Soleil d'illuminer la terre.
Grenouilles d'applaudir! espoir bientôt déçu.
Le Nuage se perd dans sa folle carrière,
Et Phébus qui, du Ciel, ne l'a point perçu,
Continue à verser des torrents de lumière.
La nue est un voile obscurant, orgueilleux.
L'habit des bas fonds désigne le vulgaire.
L'astre des dieux,
C'est Voltaire [13, р. 187].*

(Облако и Солнце. Туча, созданная испарениями болот, грузно поднимается в обитель грома, уверяя обожающих её ворон, что отправляется помешать навсегда Солнцу освещать землю. Лягушки аплодировать! Но надежда вскоре сменяется разочарованием. Туча убавляется в своём безумном беге, а Феб, совсем не заметивший её на небе, продолжает изливать потоки света. Туча – это зоил, надменный мракобес, обитатель дна, воплощение пошлости. Лучистая звезда – это Вольтер (*Перевод здесь и далее наш. – В. П.*)).

Крупные неканонические «конты» XVIII века тяготеют, как правило, к дидактизму и часто имеют жанровый подзаголовок «conte moral» («нравоучительная история») или даже «conte pour ne pas rire» («история

не для смеха»), как в одном тексте времён революции о коварстве и хитрости волков, натравивших простодушных баранов на псов, чтобы без опаски резать стадо [11]. Авторы моралистических «контов» повествуют не ради развлечения, но ради назидания. Впрочем, это не всегда повествование. Ж.-Л. Обер (1731-1814) в моралистическом «конте» «Сыновья любовь» (1763 г.) описывает картину Ж.-Б. Греза «Паралитик» (1763 г.), изображающую больного старика среди домочадцев, окруживших несчастного заботой (холст находится в собрании Эрмитажа). «Конт» аббата Обера направлен против «века, насаждающего распущенность в умах и нравах», приучающего не почитать тех, «кому мы обязаны рождением», отвергать ценность семьи [1, р. 1].

Разумеется, повествовательная занимательность не отвергается авторами моралистических историй, но сюжетное напряжение в них часто ослабляется предсказуемостью поучительного финала. Э.-Ф. де Лантье (1734-1826), соединяя традиционный средневековый сюжет о продаже души дьяволу с модными ориентальными элементами, рассказывает историю факира-отшельника, прославившегося целительством, возгордившегося своим умением, взявшего дочь султана, а вместо этого, вняв нашептываниям сатаны, соблазненного и убившего её. Приговорённому к сожжению отшельнику является сатана и предлагает на выбор смерть или служение ему. Напуганный факир выбирает второе, обрекая свою душу на мучения в аду. Заключительная сентенция предостерегает: гордыня всегда приводит в ад [10].

Между «контами» сугубо развлекательными и «контами» моралистическими существует смешанное образование – «конты», претендующие на морализм, но в развлекательной форме. Однако у многих «контеров» XVIII века рассуждения о морали были скорее данью приличиям, понимавшимся в качестве исключительно поверхностных проявлений, требуемых «хорошим вкусом» (отсутствие грубых выражений, натурализма описаний, лукаво «подмигивающее» умолчание в пикантных эпизодах). К.-Ж. Дора заявлял: «...je ne prétends point m'ériger en moraliste <...> Je ne m'attacherai donc qu'à la partie du goût...» («...я вовсе не претендую на звание моралиста <...> Я всего лишь причисляю себя к тем, кто имеет вкус...») [6, р. 6]. Ж.-Б. Жёнкьер (1713-1786) писал (не позже 1786 г.): «Contes не являются тем, что народ о них безосновательно думает: постыдными произведениями, полными безнравственности. Если в них несколько вольные шутки, если в них мыслят с полной свободой, если в них отражается знание жизни, весёлость делает эти проявления неопасными. Морализм лучше воспринимается в такой форме. Пусть устыдится тот, кто плохо об этом подумает!» (*В подлиннике стихотворный текст. – В. П.*) [7, р. 5].

Резонно предположить, что процитированная декларация воплощается в творчестве её автора. В сборнике «историй» Жёнкьера, написанных от лица некоего покойного францисканца Грисбурдона, моралистика либо отсутствует в большинстве текстов, либо является в виде заключительных сентенций, имеющих самое общее отношение к сюжету. Так, в одной из историй молодой человек ждёт возлюбленную на риге, вместо девушки приходит старуха, которую юноша принимает в темноте за свою красавицу и обнимает. Обман тотчас обнаруживается, молодой любовник поднимает шум, на который сбегаются селяне, от души смеющиеся над сконфуженным молодцом. Автор задаётся вопросом: «Почему же на свидание не пришла Нанон и на её месте оказалась отвратительная старуха?» – и отвечает: «Добрый Господь защищает небольшой напастью от такой радости, которая обернётся адом» [8, р. 71]. Можно сказать, что «мораль» у Жёнкьера не завершает логически повествование, а словно «приставлена» к нему в качестве некой этикетной необходимости.

Ш. Борд (1711-1781) так определяет своё понимание значения литературы:

*J'ime beaucoup une bonne lecture.
Cel m'instruit, m'élève et me soutient.
C'est de S gesse une onde vive et pure.
L'âne, par cette heureuse nourriture,
Dans les sentiers du devoir s'entretient,
Et c'est h z rd si l'hum ine n ture
Sans ce secours ici-bas se maintient* [2, р. 22]...

(Я очень люблю хорошее чтение. Это меня образовывает, меня возвышает и меня поддерживает. Это Мудрости живая и чистая волна. Душа этой счастливой пищи поддерживается на путях долга. И только по случайности человеческая натура без этой помощи может сохранить себя здесь, в земной жизни).

Однако то, что пишет сам Ш. Борд, плохо соотносится с «возвышением и поддержкой» души в «земной жизни». В «конте» «Беда не приходит одна» [3, р. 7-21] повествуется о некоем повесе Линдоре, продрогшем на улице в ожидании отъезда мужа своей любовницы до такой степени, что в спальне Камиллы его покинул любовный пыл. Стыдящийся своей несостоятельности Линдор удалился с ложа любви переживать к камину, тепло которого пробудило в незадачливом любовнике пропавшие было способности. Боясь, что это ненадолго, Линдор с такой скоростью бросился к кровати, что споткнулся и разбил лицо, залил постель кровью. Лакеи относят Линдора, разочаровавшего свою даму, домой, а Камилла через некоторое время заводит нового возлюбленного. «Мудрость» этой истории, согласно Ш. Борду, заключается в своеволии Амура, никому не дающего уверенности в постоянстве любовных удач.

Такие псевдоморалистические «конты» несколько не противоречат жанровому канону, а в смысле проповеди гедонизма едва ли не сильнее откровенно «вольных» произведений: пословичная мудрость, используемая в них, призвана своим авторитетом (коллективный опыт веков, отлившийся в меткие высказывания) узаконить, представить как норму мысль о том, что радость жизни заключается в беспрепятственном и разнообразном насыщении чувственности.

В целом «конты», являясь произведениями «массового спроса», немало способствовали созданию того представления о французской литературе и культуре XVIII века, о котором пишет Ж. де Пленваль: «Взятый в целом, XVIII век с самого начала оставляет впечатление фривольного столетия» [14, p. 152].

Список литературы

1. **Aubert J.-L.** L'Amour filial, conte moral dont l'idée est prise du tableau de M. Greuze, exposé au Salon du Louvre. 1763. S. I. 4 p.
2. **Borde Ch.** L'amour anachorète // Contes en vers. Londres: J. Nourse, 1764. P. 22-34.
3. **Borde Ch.** Un malheur ne vient pas sans un autre // Contes en vers. Londres: J. Nourse, 1764. P. 7-21.
4. **Chaussard P.-J.-B.** Épître sur quelques genres dont Boileau n'a point fait mention dans son Art poétique. P.: P. Didot l'aîné, 1811. 32 p.
5. **Dessiaux J.** Traité complet de vercification française, ou Grammaire poétique de la langue française. P.: Vve Marie Nyon, 1840. 390 p.
6. **Dorat C.-J.** Réflexions sur le conte // Contes et nouvelles. P.: L. Lefilleul, 1882. P. 5-15.
7. **Junquières J.-B.** Introduction // Contes en vers extraits des manuscrits du révérend Père Grisbourdon, cordelier. P.: A. Lacroix, Verboeckhoven et Cie, 1868. P. 5-8.
8. **Junquières J.-B.** Le sortilège // Contes en vers extraits des manuscrits du révérend Père Grisbourdon, cordelier. P.: A. Lacroix, Verboeckhoven et Cie, 1868. P. 69-71.
9. **La Fontaine J. de.** Préface de l'auteur sur la deuxième partie de ses contes // Contes de La Fontaine avec illustrations de Fragonard: 2 vol. P.: A. Le Vasseur, 1891. T. 1. P. LVII-LXI.
10. **Lantier É.-F. de.** Le fakir. Constantinople: Impr. du muphti, 1780. 24 p.
11. **Les loups, les chiens et les moutons:** conte pour ne pas rire. S. n., s. a. (179...). 14 p.
12. **Marmontel J.-F.** Poétique française: 2 vol. P.: Lesclapart, 1763. T. 2. 571 p.
13. **Nogaret F.-F.** Le Nuage et le Soleil // Les conteurs gallants des XVII-e et XVIII-e siècles; 5-6. Le fond du sac: recueil de contes en vers: 2 vol. P.: A. Le Vasseur, 1894. T. 1.
14. **Plinval G. de.** Histoire de la Littérature française. P.: Hachette, 1984. 304 p.

CANONICAL AND NON-CANONICAL "CONTE" IN FRENCH POETRY OF THE XVIIITH CENTURY

Pinkovskii Vitalii Ivanovich, Doctor in Philology
Northeastern State University
alennart@mail.ru

The author considers the popular genre varieties of the French poetry of the XVIIIth century –“conte” (le conte) according to canonicity or deviation from the canonicity, shows how the dominant genre purpose of entertainment, –“amusement” leads to the profanation of moralistic poetry properties, in general terms emphasizes the place of –“conte” among the factors creating the view of the culture in the XVIIIth century as a whole, and introduces into domestic literary criticism circulation a number of texts representing the –“mass production” of the genre (–“contes” by J.-B. Junquières, Ch. Borde, etc.).

Key words and phrases: French poetry of the XVIIIth century; canonical and non-canonical genres; erotic-adventurous, epigrammatic, moralistic, pseudo-moralistic –“contes”; –“frivolous century”.

УДК 8 21.161.1

Филологические науки

Представленная работа ставит своей целью дешифровать антропологическую формулу Ф. М. Достоевского через имя собственное как локальную деталь его поэтического инструментария. Научная новизна статьи заключается в том, что здесь впервые предпринимается попытка системно рассмотреть ономастикон зрелой романистики писателя, открывающий новый взгляд на прочтение концепции человека в его литературном наследии.

Ключевые слова и фразы: Ф. М. Достоевский; «великое пятикнижие»; антропологическая формула; концепция человека; поэтоним; ономастическое пространство; микропоэтика.

Поник Мария Викторовна

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, Украина
maria9v@mail.ru

**ПОЭТОНИМОСФЕРА «ВЕЛИКОГО ПЯТИКНИЖИЯ»
КАК ЭЛЕМЕНТ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ФОРМУЛЫ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО[©]**

Появление пяти больших романов Ф. М. Достоевского, которые, по словам П. М. Бицилли, вмещают в себе «—всё, все —мировые вопросы» [2, с. 580], во многом было подготовлено предшествующими им крупными произведениями автора.